

ДНЕВНИК НАТАЛЬИ КОРНИЛЬЕВОЙ «ДНИ ОКАЯННЫЕ ВЕКА СЕГО...» КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ И ФАКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Н. В. Пращерук

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 2 июня 2025 г.

Аннотация: в статье анализируется дневник Н. Корнильевой, названный автором по аналогии с известными дневниковыми записями И. А. Бунина. Показывается, как жанр автодокументалистики обретает черты литературы свидетельства о кризисных явлениях современной эпохи. В дневнике не только фиксируются факты и события 2014 г. и 2022-2024 гг., но и с опорой на широкий исторический и философский контекст дается их интерпретация. Украина-донбасское / российское противостояние трактуется как трагедия библейского масштаба, в основе которой лежит глубокий духовный кризис. Личные оценки и размышления автора соотносятся с точкой зрения выдающихся деятелей русской и мировой культуры. Это придает дневнику масштабность и концептуальность. Рассматривается художественная составляющая дневника: поэтические описания, портреты, субъективная организация текста. Выявляется авторская позиция, системно и последовательно выраженная в дневнике. Делается вывод о высоком содержательном и коммуникативном потенциале произведения.

Ключевые слова: Корнильева, дневник, Бунин, литература свидетельства, документальное, факт, событие, контекст; художественное.

Abstract: the article analyzes the diary of N. Kornilyeva, named by the author by analogy with the famous diary entries of I. A. Bunin. It shows how the genre of auto-documentary art acquires the features of literature of testimony about the crisis events of the modern era. The diary not only records the facts and events of 2014 and 2022-24, but also provides their interpretation based on a broad historical and philosophical context. The Ukrainian-Donbass/Russian confrontation is interpreted as a tragedy of biblical proportions, based on a deep spiritual crisis. The author's personal assessments and reflections are correlated with the point of view of outstanding figures of Russian and world culture. This gives the diary a large-scale and conceptual nature. The artistic component of the diary is considered: poetic descriptions, portraits, subjective organization of the text. The author's position, systematically and consistently expressed in the diary, is revealed. A conclusion is made about the high content and communicative potential of the work.

Keywords: Kornilyeva, diary, Bunin, literature of testimony, documentary, fact, event, context, artistic.

Дневник Натальи Корнильевой «Дни окаянные века сего...» [Корнильева] опубликован в 2025 г. в издательстве «Вече», в рубрике «Слово Донбасса»¹.

Своим заголовком он отсылает читателя к известным дневниковым записям И. А. Бунина «Окаянные дни» [1]. Заголовок, ко многому обязывающий, представляется вполне оправданным, поскольку, как и в случае с дневниками русского классика, определяет пафос, угол зрения пишущего, систему его оце-

нок, специфику прочтения описываемых событий и переживаний. Автор дневника и сам в ряде случаев указывает на прямые переклички собственных впечатлений и переживаний с бунинскими «Окаянными днями»: ««Я теперь всеми силами избегаю выходить без особой нужды на улицу. И совсем не из страха, что кто-нибудь даст по шее, а из страха видеть те перешние уличные лица.» (курсив автора), — в который раз потрясают меня бунинские фразы из «Окаянных дней» — точечным соответствием с моими переживаниями»². Искаженные ненавистью и зло-

¹ Н. Корнильева родилась в Купянске Харьковской обл. Окончила факультет романо-германской филологии Пермского государственного университета. Работала переводчиком, преподавателем английского и русского языков. Проза публиковалась на сайтах «Столетие», «Камертон», «Православие.ру», в журналах «Москва», «Наш современник», «Дальний Восток» в сборнике «Код Мазепы. Украинский кризис: битва за Новороссию». Живет в Севастополе.

² Обнаруживать подобное соответствие увиденного и переживаемого бунинским «Окаянным днем» свойственно и другим очевидцам событий украино-донбасского противостояния. Вот что замечает автор «Писем из Донецка» Л. П. Квашина: «Прошла в сумерках по району — окна в крестах или вообще выбиты и закрыты фанерой, затянута целлофаном, как у Бунина, «нигде ни огня, ни одной живой души» ... жутковато» (11.02. 2015) // [8, 19].

бой — это еще полбеды. А лица равнодушных — моя хата с краю... А лица хамские, которые вдруг явили звериный оскал в полную силу, с полным как бы правом: «В свободной стране живем... и никто нам не указ!» [11, с. 21]³.

Следует отметить, что и по структуре, и по пространственной привязке эти дневники схожи. Бунинские «Окаянные дни» включают две части: «Москва, 1918 г.» и «Одесса, 1919 г.». Дневник Корнильевой также состоит из двух частей: «Моя война. Записки очевидца. Полтава, 2014 г.», «Моя война. Записки очевидца. Севастополь, СВО, 2022-2024 гг.».

Другое дело, что Бунин писал дневник, переживая, как он полагал, полное крушение прежней России, а Корнильева ведет записи с верой в то, что выпавшее на страну и народ испытание — временный этап, за которым неизбежно придет победа над силами зла, над «окаянством», обрушившимся на Родину. Не случайно многие и многие записи заканчиваются утверждениями: «Так победим»; «Победа будет за нами»; «Сим победиши» (с. 109, с. 118, с. 137, с. 170, с. 172, с. 181, с. 183, с. 189, с. 206, с. 216 и др.).

Оба эти произведения не только являются фактом автодокументалистики, но и, как справедливо заметил в свое время немецкий буниновед Д. Ринкер, характеризуя бунинские «Окаянные дни», обладают чертами «художественными и публицистическими» [15, 331].

Однако целью этой статьи не является сопоставление современного и прецедентного текстов. Это задача другого исследования. В фокусе нашего внимания — дневник нашей современницы.

В начале 2000-х гг. выросший интерес к автодокументалистике, в частности к дневникам, мотивировался тем, что дневники «идеально встраиваются в постмодернистскую эстетическую парадигму» [4]. Подобная исследовательская установка находила подтверждение в феномене наступившей эпохи «публичной интимности» [5, 68-73; 12, 162-167] с ее широко распространившимися сетевыми дневниками [Там же]. Вместе с тем А. Зализняк в своей работе о дневнике как жанре указывает и на другие возможности изучения дневников: «В рамках традиционной эпистемологии дневник может изучаться для разных целей и, соответственно, разными науками». Она выделяет пять таких целей, одной из которых является «извлечение сведений, касающихся упоминаемых в дневнике *реальных людей, событий и обстоятельств* [курсив — А. Зализняк]. Для этого могут быть использованы дневники любых авторов; область знания — история» [4].

Думается, в настоящее время актуализируется именно такой подход к изучению дневников — как одной из разновидностей литературы свидетельства

[6; 7, 5-7; 10]. Причем, полемизируя с исследовательницей, замечу, что такое изучение важно не только для историков и, безусловно, не исключает внимания к художественной составляющей подобных произведений. Эти дневники, отзывающиеся сердцем на кризисные и катастрофические события современности и соединяющие в себе документальное и художественное, нередко наследуют лучшие черты русской литературы, которая всегда остро осознавала себя частью истории и культуры — как национальной, так и мировой. Достаточно вспомнить «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского [2].

Поэтому изучение современной автодокументалистики — чрезвычайно актуальная сегодня сфера интересов именно литературоведческой науки, учитывающей тот факт, что, следуя традиции, авторы этого направления сопрягают собственные судьбы и собственное творчество с судьбами родной страны.

Прежде чем обратиться непосредственно к сочинению Корнильевой, необходимо кратко остановиться на теории жанра дневника. Исследователи выделяют целый комплекс признаков этой жанровой формы литературы, а именно: датировку записей, фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексию, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальную незавершенность, наличие косвенного адресата и отсутствие единого замысла [3; 4; 9; 10; 13; 16, 87 и др.]. Казалось бы, дневник Корнильевой отвечает всем этим параметрам.

Между тем спорными или, по крайней мере, относительными в рассмотрении дневника как жанра представляются такие черты, как «отсутствие единого замысла» и «нарушение причинно-следственных связей» [4]. «Дни окаянные века сего...» с самого начала разрушают эти стереотипы, впрочем, как и дневниковые записи Бунина.

Единый замысел и вполне определенная авторская установка прочитываются как в названии дневника, так и в заголовках его частей: «Моя война. Полтава, 2014 г.», «Моя война. Севастополь, СВО, 2022-2024 гг.» (пусть даже дневник первоначально не имел таких названий). Повтор словосочетания «моя война» еще более акцентирует и замысел автора, и стратегию размещения записей. Что касается причинно-следственных связей, то они, на первый взгляд, не очевидны, но единство замысла и концептуальность общего видения описываемых событий как раз и выстраивают систему причин и следствий в интерпретации увиденного и пережитого.

Большой эпиграф из «Дневника писателя» 1877 г. Достоевского о войне (с. 3) с самого начала настраивает читателя на то, под каким углом зрения, с опорой на какие традиции следует читать дневник, и органично (вплоть до лексических переключек) связан с первой записью: «Вот и пришло военное

³ Далее все ссылки даются по этому изданию, в круглых скобках указывается страница.

время. Говорят, каждому поколению — своя война. Великую Отечественную я не застала и успела прожить мирные полвека. По-разному была устроена эта жизнь, но пороха мы не нюхали. Думала, авось проскочу. Не тут-то было (...). Вот приметы: по всей Украине действуют профессиональные наемные группы под видом стихийной оппозиции. Скорее всего, будут жертвы — для затравки. Задача — раскочевать национальную рознь. Новостям верить нельзя, сплошные провокации. Это не украинская, а мировая война. Сегодня она уже в Полтаве: железными ломами «с тяжким звероподобным рвением» крушат мостовую на площади, бьют в барабаны, швыряют коктейли Молотова. Смотрю, как все это происходит — сидя дома у монитора. Шок» (с. 3-4).

Уже по первой записи очевидно, что автор не только фиксирует происходящее и свои переживания по поводу тех или иных событий, но стремится их обобщить, вписать в национальный и общемировой контекст, в контекст международной политики: «Очевидно, американцы решили наказать нас за Сирию» (с. 4); «Это не украинская, а мировая война» (с. 4).

Следует отметить выразительность и точность языка, образность лексики. Просторечия («...авось, проскочу. Не тут-то было»; «грандиозный шухер» и др.) сочетаются с яркими метафорами («пока Россия по уши в смиренной рубашке Олимпийских игр» (с. 4); «Ой, нельзя русского медведя вилами в бок!») (с. 4).

При этом повествование очень динамично, передает напряженность и накал переживаемых событий. Характерна активность глагольных форм: «Торопятся, делают все быстро, нагло — по классической схеме цветных революций» (с. 4); «...крушат мостовую на площади, бьют в барабаны, швыряют коктейли Молотова» (с. 4). Состояние пишущего при этом передано кратким, но очень выразительным назывным предложением: «Шок» (с. 4). Точка в конце — более чем оправдана и уместна как констатация состояния от свершившегося и свершающегося, поверить в которое пока очень трудно, почти невозможно.

Наверное, самое важное в таких сочинениях — фиксация увиденного своими глазами, услышанного из первых уст, пережитого лично. Когда речь идет о переломных, катастрофических событиях, личный дневник становится свидетельством об этих событиях, является по существу документом эпохи. Дневник Н. Корнильевой можно считать таким документом. Ценность подобных свидетельств неоспорима и возрастает со временем. В связи с этим уместно вспомнить отклик заведующего кафедрой истории русской литературы и теории словесности ДонГУ, жителя Горловки А. А. Кораблева на первые публикации «Писем из Донецка», автором которых была его коллега по кафедре доцент Л. П. Кваши-

на: «Во время информационной войны возрастает ценность независимых источников. Таким частным свидетельством, но имеющим значение документа, являются блокадные письма Л. П. Квашиной, доцента Донецкого университета». Этим суждением он предварял в 2015 г. републикацию писем на своей странице в Фейсбуке [14, 46]. Думается, такая оценка вполне оправдана и по отношению к дневнику Н. Корнильевой: в аннотации указывается, что «Моя война» началась с писем к близким людям о событиях, происходящих на Украине, событиях, подготовивших кровавый Майдан 2014 г.». И это закономерно, поскольку эпистолярный — жанр автодокументалистики, наиболее содержательно и структурно близкий дневникам.

Свидетельство автора «Дней окаянных века сего...» объемно по смыслу и форме, многопланово. Это фиксация событий и фактов, бытовые зарисовки, психологические портреты, услышанные и воспроизведенные диалоги, реплики, реакции, оценки окружающих.

В поле зрения автора — достаточно широкая география: Полтава, Донецк, Луганск, Славянск, Киев, позднее Крым, Севастополь, Россия, Украина. Зафиксированные события, записанные факты дополняют друг друга, обеспечивают всему воспроизведенному убедительность: «Крым воссоединился с Россией. Многие украинцы восприняли это как личную обиду. Утром в прощенное воскресенье народ разделился на два потока: одни шли в церковь, другие на митинг против «красной сволочи» (...) Помогите нам, Господи» (с. 9-10); «Расстрел мирных жителей в Мариуполе... Сожгли и расстреляли милиционеров, отказавшихся стрелять в безоружный народ, собравшийся на парад. Заехали в город танками, разбомбили здание МВД, снаряд попал в жилой дом, погибла семья с ребенком, женщину — за георгиевскую ленточку — обвязали георгиевскими лентами за руки-ноги и разорвали на части. Это правда. В украинских новостях все наоборот: террористы зверски расстреляли мирную демонстрацию, украинские войска и милиция погибли, спасая город. В Луганской области расстреляли семью в машине на глазах у ребенка, потом девочке выстрелили в голову. Убили священника, прямо в автомобиле. В Херсоне мэр на митинге назвал Гитлера освободителем... Это на самом деле происходит! Я не сплю» (с. 37); «9 мая по всем украинским каналам крутили фильмы про войну. Все как обычно, кроме того, что фильмы — без исключения американские» (с. 37); «11 июня 2014. Массовое осквернение памятников. В день рождения великого поэта расписан всякой гадостью памятник Пушкину в Харькове» (с. 50); «Батюшка на исповеди благословил «хранить молчание в агрессивной среде»... «Записывайте факты, придет время, люди готовы будут принять правду»» (с. 50); «В Славянске местные бабушки напекли пирожков со снотворным и накор-

мили голодных карателей, которые пытались войти в город. Пока бойцы спали, отряды самообороны угнали у них всю технику» (с. 39); «Отвечаю на сто пятьдесят тысяч тревожных вопрошаний в связи со страшной трагедией в Севастополе. Кассетными бомбами по пляжу! В разгар воскресной жары! Запредельно. Мои все живы (...) В Севастополе много пляжей, но Учкеевка и Любимовка — самые удобные для детей и самые многолюдные (...) Не случайно был выбран день — на Троицу, не случайно — место: пляж, где много детей. Не случайно время — 12 часов дня. С нами воюют враги рода человеческого» (с. 282); «Вывоз икон и мощей из Киево-Печерской Лавры. По сути своей происходящее является прямым и незаконным ограблением РПЦ» (с. 177-178) и мн., мн. др.

Этот ряд примеров, из которых складывается картина происшедшего, можно продолжать достаточно долго. Каждая запись такого рода информативна и одновременно выразительна, помогает читающему словно увидеть своими глазами, пережить то, о чем пишет автор, или соотнести собственные знания и переживания с представленными в книге обстоятельствами и событиями.

Зафиксированные события уточняются, дополняются, содержательно проблематизируются бытовыми зарисовками, психологическими характеристиками окружающих. Корнильева обладает даром живописания и мастерством создания портретов. Приведем два примера: «Татьяна из Донецка, среди снарядов, рвущихся повсюду, иногда совсем близко, каждый день одевается, как в театр: коралловые бусы, платье, шляпка; красит губы и выходит в скайп. На линии помехи, можно либо говорить, либо лицедевать. Мы молча смотрим друг на друга минуту-другую, потом отключаем видеокамеру и говорим. Она повествует о происходящем в городе и утешает меня, сидящую в «тихом» месте, находя разумное объяснение каждому событию этой дикой войны. Неизменно оптимистичное (...) Прелестна ирония этой маленькой храброй женщины: в ответ на мои сетования на тяготы жизни в оккупации она радушно улыбается: «Так в чем же дело — приезжай к нам, у нас безопасно: вокруг все свои...» (с. 64-65); «Моя добрая знакомая, с которой мы давно не виделись, привела ко мне дочку — протестировать уровень английского. Тридцать пять лет, хозяйка магазина «Посуда», псаломщица нашего храма. Активная, участливая, из тех, кто всегда поможет. Жизнь сводила нас в разные дни по разным поводам. И вот теперь, теперь — она говорит страшные вещи. Антироссийская и антипутинская риторика в самых крайних выражениях. Юго-восток Украины... она искренне презирает: «Это не люди, это быдло, ты посмотри, как они живут! Голь пережатая, что с ними считаться...» (с. 28). Характерно, что портретные зарисовки содержат реплики

от первого лица тех, о ком идет речь. И это одна из форм их «прямого присутствия» в тексте, форма их самораскрытия.

Реплики отдельных персонажей дневника дополняются целыми каскадами высказываний, в которых отражены настроения окружающих:

««Крысы бегут с корабля», — кричат нам вослед, а мне больно за тех, кто остается.

— как? вы собираетесь поселиться в Крыму? (...)

— мы его непременно «повернем»!

— да там земля будет гореть!

— американские корабли снесут Крым с лица земли — и поделом!

— в Крым придут турки и восстановят историческую справедливость!

— Путин превратит Крым в пустыню голодающих ватников и алкашей, как и всю остальную Россию!

— татары поднимут бунт и изгонят всех русских!» (с. 66).

Автор широко использует и формы непосредственно-прямой речи, что — наряду с прямой речью персонажей и воспроизведенными репликами окружающих — создает сложную субъектную организацию текста, объемность повествования. И это особенно важно для такой жанровой формы, как дневник, предполагающей яркую и преимущественно субъективную высказывания. Приведем характерные примеры: «Жду встречи с подругой, мне кажется, я к ней готова. И вот она, моя дорогая, с улыбкой и арбузом. Спокойной беседы, однако, хватило на полчаса. Все кончилось плохо. Подруга ушла, хлопнув дверью. А я узнала, что это Россия бомбит Донецк и Луганск, а также убивает беженцев. Беженцы бегут только в Украину — припадают к родникам родной неньки (...) Нескончаемые колонны бегущих в Россию людей — чистой воды фейк для таких микроцефалов, как я (...) У нацгвардии нету ни градов, ни ураганов — откуда им взяться? Наемников из Польши, Румынии, Америки, Канады, Швеции, Прибалтики, Израиля и пр. придумали проклятые российские СМИ. Фашистов, нацистов и «Правого сектора» в природе страны не существует. А нацистские парады по городам Украины проводят нежные розовые «онижедети». Ну, забили где-то палками девочку-другую из Донецка, ну ладно, пусть пошालят. Путин, чтоб вы знали — антихрист. Россия — агрессор по жизни, мировое зло...» (с. 61-62); «Татьяне вчера позвонила подруга из Киева. Поинтересовалась, какой район в Донецке самый престижный.

— А тебе зачем?

А вот зачем. Ее сыну и остальным новобранцам нацгвардии в Киеве перед очередным походом на Юго-Восток официально пообещали: как только возьмут Донецк, они могут выбирать себе квартиру в любом районе города, даже если там кто-то живет» (с. 67).

Несобственно-прямая речь — это как будто одна из возможностей для автора «переварить», переосмыслить сказанное, которое по своему содержанию кажется невозможным, фантастически неправдоподобным, но это сказанное нужно включить уже как реальность, как свершившийся факт в мир собственный, соприкоснувшийся с кровавым, страшным абсурдом происходящего.

Первая часть завершается записями о том, что автор переехал в Крым, в поселок Фронтное под Севастополем. Начинается крымская хроника. Она строится на постоянном соотношении прошлого и переживаемого настоящего. В этой части больше экскурсов в историю, философию и богословие, больше обобщений. С такого обобщения о русском человеке и начинается крымская часть дневника (с. 70-73), которой так же, как и в первой части, предшествует эпиграф из «Дневника писателя» Достоевского.

Сразу же четко и прямо выражена поддержка начала СВО: «Слава Богу, началось! Господи, помоги. Так вышло, что в 14-м мне пришлось покинуть пылающую Украину, и когда я «случайно» купила дом в черте города Севастополь, в селе под названием Фронтное, на улице 345-й Дивизии, я поняла: моя война не закончилась. Друзья шутили: первым делом посади гранаты. Тогда было смешно. Гранаты я посадила. Теперь думаю, надо было посадить еще калаш, БТР и установку ПВО» (с. 73). Но даже не будь этой записи, позиция автора дневника очевидна, органична, логически проистекает из записей, оценок, размышлений первой части. Для тех, кто по убеждению или неведению считает СВО неоправданной агрессией по отношению к братской стране, материал дневника будет особенно полезен.

«Дни окаянные века сего...» поучительны не только запечатленными, а значит, не оставленными в забвении фактами и событиями, но и обширностью, глубиной их толкований. Осмысляя то, что случилось с Украиной и со всеми нами, Корнильева обращается к широкому кругу авторитетных, знаковых для русской и мировой культуры имен. Мы попадаем в поле напряженного полилога, в который включены Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, И. А. Ильин, И. А. Бунин, Ф. И. Тютчев, П. А. Столыпин, В. И. Даль, о. П. Флоренский, свт. Феофан Затворник, свт. Николай (Сербский), арх. Аверкий (Аушев), Н. А. Бердяев, Данте, Д. Неру, Х. Ортега-и-Гассет, Н. Бехтерева, Ю. Кабанков и многие, многие другие. Сам этот круг великих личностей, которым «предоставлено право прямого высказывания» (в дневник включены обширные цитаты из трудов названных писателей, философов, богословов), свидетельствует о том, что автор дневника укоренен в пространстве культуры и русской духовной традиции.

Поэтому закономерно, что осмысление драматических и трагических событий современной эпохи осуществляется многопланово, одновременно в раз-

ных, но взаимосвязанных аспектах. Одним из приемов, помогающих выстроить объемную целостную концепцию запечатленного, становится прием прямого соотношения переживаемого здесь и сейчас с тем, что уже было в нашей истории и культуре и что уже истолковано в трудах великих предшественников и современников. Вот некоторые из записей, в которых происходящее интерпретируется в психологическом, историческом, философском ключе: «Да, серьезные мутации подверглись мы в области самоидентификации. Чего стоит потерявшая инстинкт самосохранения нация, не уважающая свою культуру и свой народ? «Народ, не имеющий национального самосознания, есть навоз, на котором произрастают другие народы» (П. А. Столыпин) (с. 29); «Попытка размышления об условиях, при которых раковые клетки в человеческом сообществе активизируются и смертельно поражают здоровые клетки. Беру «помощь клуба» (далее идет большая цитата из известного философского труда Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», в котором эпоха второй половины XX в. трактуется как время господства человека массы и наступающего на культуру варварства) (с. 84-86).

Между тем автор не останавливается на объяснениях социально-психологического, исторического или философского характера. В лучших традициях русской философии и русской духовной культуры Корнильева последовательно, на протяжении всех дневниковых записей выходит в сферу бытийных вопросов и духовного измерения разразившихся в нашей стране, да и в мире в целом, катастрофических событий. Так, она опирается на идеи о. П. Флоренского: «Несомненно, Украина — величайшая трагедия русской цивилизации. Трагедия библейского масштаба, в основе которой лежит глубокий духовный кризис. На наших глазах малая часть отделилась от целого и объявила себя целым. По сути, это ересь, одно из тягчайших духовных заболеваний. О. Павел Флоренский точно определяет ересь как «злое само-утверждение», как рассудочную односторонность, утверждающую себя как всё. Расщепление целостности естественным образом приводит к распаду и гибели всего организма — и части, и целого. В свою очередь, ис-ЦЕЛЕНИЕ от болезни может быть достигнуто только ВОССТАНОВЛЕНИЕМ ЦЕЛОСТНОСТИ всего организма.

Это есть религиозно-философское обоснование правомерности и, более того, необходимости осуществляемой ныне Россией военной операции на Украине...» (с. 74-75).

Выразительны, афористичны, часто очень обrazyны оценки самой Корнильевой, в которых она последовательно акцентирует внимание на духовных первопричинах отраженных в дневнике событий: «Именно потому, что все силы ада сейчас активно пытаются выбить нас из седла, расколоть на «мнения» и сомнения, подбить на бунт — и насладиться

картиной для зла привычной: как мы сами станем истреблять друг друга. Именно поэтому мы должны всеми силами удерживать равновесие. Сосредоточиться. Отложить на время все разногласия. Исторгнуть из себя злокачественное (...) Так победим» (с. 109); «Открылось все потаенное. Прозрачной стала суть. Полутона поглотило огромное солнце войны. Осталось белое и черное... Просто и ясно является и светит нам с Небес искомая национальная русская идея: спасти мир. Ничего нового под солнцем» (с. 112).

Следует отметить, что соединение в личном дневнике размышлений и оценок его автора с обширнейшим содержательным контекстом, представленным суждениями великих деятелей культуры, вполне органично, придает дневнику концептуальность и масштабность. Достигается особый эффект концентрации взаимосвязанных смыслов, глубокого постижения причин и следствий тех процессов современности, о которых пишет Корнильева.

Автор дневника — православный человек, чувствующий и понимающий религиозные смыслы тех или иных явлений действительности. Поэтому записи непосредственно связаны с церковным календарем, в них обязательно указываются православные праздники, время постов и поминовений усопших: «Духов день парит над нами. Над нашими радостями, скорбями, страхами и сожалениями. Над живыми и умершими, плохими и хорошими... Над полем боя и золотым пшеничным полем. Над муравейником мегаполиса и тихим деревенским погостом. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Ровно и одинаково благодатно для всех. А мы что, что мы можем?.. Дышать — или выбрать тьму» (с. 283); «Радоница. Радостная встреча с любимыми, которые уже на светлой стороне. Христос Воскресе! И упразднилась смерть» (с. 161).

Корнильева обильно цитирует священные тексты, святоотеческую литературу. Обращение к русской духовной традиции в дневнике не результат начетничества и богословских штудий, а выстраданная и осознанная мировоззренческая и нравственная позиция. И это особенно ярко проявляется, в том числе, в понимании общей вины и ответственности за происшедшее, за то, что случилось с некогда единым русским миром, и за то, что нас ждет в будущем: «Надо понимать, что активизация нацизма — это следствие, в том числе и того, что мы с вами как главная движущая сила плохо делаем свое дело» (с. 133); «Устоит ли мир, сегодня зависит только от одного человека: и этот человек — я сам. Если каждый будет так думать, а не по привычке пенять на кого-то, если каждый сделает свой личный выбор, и, далее, не на словах, а на деле, повернет всю свою жизнь в противоположном направлении, со всеми вытекающими, то тогда Господь может продлить жизнь на земле» (с. 286).

Корнильева как христианку отличает и острое чувство красоты и благодати Божьего мира. При всем абсурде и ужасе реальности это чувство помогает жить и верить в Победу, сохранять «самостоянье». Оно словно освещает дневник особым светом. Поэтому в дневнике немало поэтических описаний, согретых любовью к окружающему: «Крымская ночь на террасе. Все вокруг до того совершенно, что кажется ненастоящим. Полная луна над кипарисами, словно нарисованная на холсте декорация — на скорую руку, бездонная пропасть неба, ночные шорохи, цикады, дрожащий во влажном воздухе звук далекого поезда. И падающие на террасу яблоки. Господи, спаси и сохрани нашу бедную прекрасную землю» (с. 179). Такие описания, украшенные изысканной образностью, неожиданными метафорами, свидетельствуют о несомненном литературном даре автора дневника.

Впрочем, владение литературным письмом обнаруживается не только в подобных фрагментах, но и в обрисовке окружающих людей, в умении выстроить диалоги, в лексическом богатстве речи повествователя, органично соединяющей разговорный язык с высокой образностью.

Следовательно, «Дни окаянные века сего...» можно с уверенностью отнести к фактам современной литературной жизни, к произведениям, демонстрирующим то, что словесность обладает огромным содержательным и коммуникативным потенциалом. Именно потому, что — вопреки, казалось бы, невозможному (если иметь в виду события, о которых пишет автор) — из хаоса создается порядок, «жизнь жительствоует», а читатель, пройдя весь этот трудный текст, испытывает катарсис, получая ответы на многие вопросы и укрепляясь духом в своем противостоянии «окаянству».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Окаянные дни / Бунин И. А. Окаянные дни. Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. Тула: Приокс. кн. изд-во, 1992. С. 19-128.
2. Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч.: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 25. Публицистика и письма. Дневник писателя за 1877 год, январь-август. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — 470 с.
3. Егоров О. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра / О. Егоров. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 281 с.
4. Зализняк А. Дневник: к определению жанра / А. Зализняк // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 106. — С. 162-181. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (дата обращения: 06.06. 2025).
5. Захарьин Д. Антропология и генеалогия интимности / Д. Захарьин // Nahe Schaffen, Abstand halten. Zur Geschichte der Intimität in der Russischen Kultur / Hrsg. N. Grigor'eva, Sch. Schahadat, I. Smirnov.

Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 62. Wien; Munchen, 2005. — S. 61-84. — Режим доступа: https://www.academia.edu/7072339/Zakharine_Dmitri_Zakharin_Дмитрий_2005_The_History_and_Genealogy_of_Intimacy_in_Russia_orig_История_и_генеалогия_интимности_Wiener_Slawistischer_Almanach_62_2005_special_issue_61_85 (дата обращения: 06.06. 2025).

6. Зильберманн Й. Литература свидетельства как письмо свидетеля / Й. Зильберманн // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сборник трудов международной научной конференции / сост. и ред. С. М. Соловьев. — М., 2013. — С. 120-128.

7. Иванова де Мендоса Ж. М. Становление и художественные характеристики жанра свидетельства в испано-американской литературе: Автореф. дис. ... к. филол. н. / Иванова де Мендоса Ж. М. — М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН Российской академии наук. 2020. 31 с.

8. Квашина Л. П. Документ эпохи. Письма из Донецка (2015-2023 гг.) — Л. П. Квашина, Н. В. Пращерук. — СПб.: Алетейя, 2024. — 132 с.

9. Кобрин К. Р. Дневники: между текстом и житнетворчеством. Похвала дневнику / К. Р. Кобрин // Новое

литературное обозрение. — 2003. — № 61. — С. 288-295.

10. Кознова Н. Н. Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров / Н. Н. Кознова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — 2009. — № 1. — С. 137-143.

11. Корнильева Н. Дни окаянные века сего... / Н. Корнильева. — М.: Вече, 2025. — 320 с. (Слово Донбасса).

12. Кронгауз М. Публичная интимность / М. Кронгауз // Знамя. — 2009. — № 12. — С. 162-167.

13. Михеев М. Дневник как эго-текст / М. Михеев. — М.: Водолей, 2007. — 264 с.

14. Пращерук Н. В. «Письма из Донецка» Л. Квашиной: эго-текст, документ эпохи и факт литературной жизни / Н. В. Пращерук // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 3. — С. 46-52.

15. Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И. А. Бунина / Д. Риникер // И. А. Бунин: pro et contra / Сост. Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнена, Д. Риникера. — СПб.: РХГИ, 2001. — 1016 с. (Русский путь).

16. Сметанина С. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. Сметанина. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 382 с.

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Пращерук Н. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: pnv1108@gmail.com.

Ural Federal University Named After the First President of Russia B. N. Yeltsin

Prashcheruk N. V., Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of the Faculty of Philology

E-mail: pnv1108@gmail.com.